

ГЕРОИ ПРОШЕДШЕГО ВРЕМЕНИ В ЗЕРКАЛЕ НЕКРОЛОГА

В статье на основе указанного специфического источника делается попытка обрисовать идеальный образ «хорошего человека», существовавший в сознании томичей второй половины XIX – начала XX в.

«Человеческое стремление приписывать действиям и событиям смысл и цель подразумевает расчлененность непрерывной реальности на некоторые условные сегменты... Начало–конец и смерть неразрывно связаны с возможностью понять жизненную реальность как нечто осмысленное» [1. С. 417–418]. Действительно, важнейшее событие в человеческой жизни – смерть – по-особому освещает пройденный жизненный путь, сопрягаясь с настойчивыми поисками его смысла и, между прочим, его общественной значимости.

Два года назад, в 2001 г., благодаря трудам Н.М. Дмитриенко вышел в свет «Томский некрополь», содержащий в себе списки и некрологи погребенных на старых томских кладбищах. Рассмотрим помещенные в нем материалы, некогда публиковавшиеся в местной прессе, как текст, позволяющий выявить черты ментальности жителей Томска второй половины XIX – начала XX в. Нас будут интересовать публикации, появившиеся до весны 1917 г., т.е. мемориальные заметки, посвященные 203 личностям, особенно некрологи 179 человек, содержащие в себе в том или ином виде оценку личности и деятельности умершего. Эти статьи и заметки были написаны разными людьми, опубликованы в разных газетах, посвящены различным персонам и, на наш взгляд, таковая серия, с учетом отмеченных в статье оговорок, является довольно репрезентативной для решения поставленной задачи.

Авторы данного мега-текста владели навыками изложения своих мыслей на письме и принадлежали к «образованной» части общества: журналисты, врачи, учителя, профессора томских вузов, студенты, инженеры, чиновники, а также представители духовного сословия. Материалы «Томского некрополя» отразили, главным образом, именно их точку зрения. Имеется немало общего в суждениях этих различных людей, хотя профессии, политические пристрастия, индивидуальный жизненный опыт накладывали отпечаток на образ мыслей и созданные документы. Каждый человек – до конца даже им самим не познанная вселенная. Но, описывая *curriculum vitae* умершего, современник оценивал его общепринятой или принятой в определенном кругу шкалой ценностей.

О мертвых или хорошо, или ничего. Следуя нравственному закону, некрологи идеализируют своих персонажей, нарочито подчеркивая или приписывая такие черты их личности и поведению, которые признаны позитивными в данной культуре. Описания умерших рисуют образы положительных героев своего времени.

Каковы же были эти избранные? В основном это те, кто так или иначе соприкасался с потенциальными авторами некрологов, принадлежал или был близок к их среде. Круг персонажей мемориальных статей включал в себя горожан различного социального статуса и возраста: от губернаторов до рабочих (хотя последних – крайне редко), от старцев до юных барышень. Их смерть обратила на себя внимание, вызвала толки в городе или же, поразив знакомых, «товарищей», «сослуживцев» умершего, заставила их взяться за перо.

Смерть в конце XIX – начале XX в. по сравнению с сегодняшним днем была если не обыденным и повседневным явлением, то гораздо более частым, чем в настоящее время (коэффициент смертности достигал 36,7 на тысячу человек [3. С. 116]). Тем не менее в зеркале некролога она предстает как экстраординарное событие, источник горестных сожалений и скорби, пережить которую помогают утешения христианской религии, заверения о том, что умершего будут «вечно» помнить, а его дело будет продолжено последователями. Случаи долгожительства отмечались как нечто необычное (так, в 1886 г. в «Сибирском вестнике» была опубликована заметка, посвященная кончине 112-летнего горожанина [2. С. 21]). Но и смерть в 50, 60 лет вопреки зловещей статистике расценивалась как находящаяся вне пределов положенного, как «безвременная», особенно если человек выглядел «полным сил». Идеальная норма, должествование – весь жизненный цикл, пройденный индивидуумом вплоть до глубокой старости. Чтобы подобно настоятелю Алексеевского монастыря архимандриту Виктору угаснуть «от дряхлости» [2. С. 34].

В иных случаях кончина – это аномалия, которая вынуждала искать ее причины. Внезапная гибель заставляла авторов некрологов исследовать последние часы жизни умершего в попытках найти разгадку рокового исхода. Указание на болезнь, сведшую в могилу страдальца, также не всегда удовлетворяло авторов скорбных статей: сама болезнь для них нуждалась в причинном объяснении. И такое объяснение подчас обнаруживалось в особенностях личности умершего и/или в условиях его жизни. Но об этом речь пойдет ниже.

Трудовая активность рассматривалась как важнейшая составляющая жизни героя, и во многом благодаря именно ей умерший человек в публикациях предстал как положительный персонаж. Подавляющее большинство помещенных в «Томском некрополе» материалов содержит в том или ином виде оценку служебной, общественной деятельности умершего человека, а определения «труженик», «трудолюбивый» обнаруживаются более чем в трети таких заметок (в 48 из 132). «Труженик» – одно из самых предпочитаемых слов при характеристике деятеля. Оно употреблялось в отношении любой категории лиц, почтенных некрологом, – от воспитательницы епархиального училища до высокопоставленного чиновника, писалось на траурных лентах, украшавших погребальные венки, звучало в поминальных речах. К тому же значительная часть многих мемориальных статей состояла из пересказа служебного формуляра почившего или передачи иных подобных сведений.

«Длинный список монарших наград... красноречиво показывает, что служба его была бесполезна и по достоинству ценилась ближайшим начальством» [2. С. 23]. Подобных высказываний в материалах «Томского некрополя» можно насчитать до полутора десятков. Деятель-

ность человека вкупе с другими его достоинствами часто выделялась как причина социальной успешности человека – продвижения по службе, присвоения наград, завоевания уважения и общественного признания. Но редко – как источник богатства. Напротив, некоторые авторы некрологов отмечали существование коллизии между усиленным трудом и отсутствием значительных материальных выгод от этого в силу «нищенского жалованья» или бескорыстия работника: «И такова, к сожалению, участь врача: много труда и знания, много самопожертвования и даже героизма требует деятельность врача, и как мало выпадает наград неутомимому труженику!... От тленных благ мира сего ты не собрал ничего, но ты оставил своей семье честное имя, а нам всем – добрую о тебе память» [2. С. 42].

Более того, именно работа, занятия человека подчас назывались причиной его болезни и ранней смерти. Так, «жертвой служебного долга» был провозглашен губернатор Н.В. Родзянко, подобно некоторым томским врачам заразившийся от больного во время выполнения своих обязанностей [2. С. 13]. Сердце актрисы А.А. Крапивиной не выдержало творческого напряжения служения искусству [2. С. 62]. Работа «в неблагоприятном климате Петербурга и в тяжелых условиях архивов» оказалась «роковой» для профессора университета П.С. Климентова [2. С. 79–80]. Паралич и после тяжких страданий смерть постигли сельского священника И.С. Ландышева, не имевшего возможности пренебречь своими обязанностями для поправления здоровья [2. С. 165]. Список «жертв» трудовой деятельности этим не исчерпан, примеры можно умножить. Современники могли сетовать на плохие условия труда или его непомерную тяжесть, мизерность вознаграждения. Но положительный герой, чей образ запечатлен в некрологах, трудился, следуя служебному долгу, семейным обязанностям, милосердию или призванию, невзирая на риски и, возможно, недостаточную оцененность своей деятельности.

Знаменательно в этой связи отношение к бедности и богатству, которое можно проследить в некоторых материалах «Томского некрополя». Отношение к богатству амбивалентно. Благодаря значительному материальному состоянию появляется возможность «отзываться сочувственно на добрые дела» [2. С. 66]. Только ради этого предприниматели А.В. Соколов и М.М. Миллюнек, по словам их жизнеописателей, копили средства и трудились всю жизнь [2. С. 48, 130].

Но примечательно, что некрологи обходили молчанием роль предпринимательства в развитии экономики края (исключение было сделано только для И.Д. Асташева в «Томских губернских ведомостях» в 1969 г. [2. С. 12]). Редко давалась характеристика «профессиональным» качествам представителей промышленного и торгового сословий. Единственно купцы – «щедрые жертвователи» удостоивались хвалебных поминальных речей на страницах томских газет. Личное богатство расценивалось как положительное явление при условии благотворительности его владельца. Но и при этом немалое значение имело то, насколько безупречна была репутация коммерсанта, каков был способ приобретения капитала: заработан ли он, подобно состоянию С.С. Валгусова, «честным купеческим трудом» или на нем лежит

«клеймо», даже просто «тень, обыкновенно сопровождающая купеческие богатства» [2. С. 36].

Бедность, окружавшая человека при жизни, возбуждала сожаления у авторов некрологов, иногда признавалась ими как одна из причин преждевременной смерти и, безусловно, была бедствием для «несчастливого труженика». Но, в то же время, бессеребренники, вызывали, по крайней мере, у части современников глубокое почтение. Особенно это показательно в отношении врачей и священнослужителей, перед которыми возможности профессии открывали подчас альтернативу: обогащение или нестяжательство, так как их труд был остро востребован не только «в дворцах богачей», но и «случагах бедняков». Уважение, любовь, восхищение, иногда также удивление (что говорит об исключительности наблюдавшегося поведения) испытывали томичи к самоотверженным людям, не берущим мзду за свой нелегкий труд. «Очевидцы не понимали, как Фл[орентин] Феликсович мог добровольно нести такую тяготу, когда имел полную возможность существовать безбедно, благодаря частной обширной практике... Он не умел расценивать свой труд и, не гонясь за материальными благами, исполнял свое дело добросовестно, терпеливо, внимательно, неся свою помощь тем, которые более всего нуждались в ней. Нередко, вместо получения гонорара, он сам давал беднякам на приобретение лекарств...» [2. С. 95].

Также почтительным было отношение к некорыстливым священнослужителям – традиция, проистекавшая из глубин христианства и его истории на русской почве: «Особенную популярность среди всех горожан и даже многих обитателей Томской епархии он достиг в течение последних 33 лет, когда состоял в заштате, где вел жизнь истинного христианского подвижника, проводя почти все время в молитве и строгом воздержании... Есть в городе и теперь немало лиц, которые утверждают, что о. Феодор имел даже дар прорицания... Вообще нужно сказать, что о. Феодор при жизни своей считался и назывался человеком Божиим, праведником, угодником Божиим» [2. С. 51].

Современники могли гоняться за выгодой. Положительный герой некролога? – нет. Бескорыстие деятеля – мотив не одной поминальной публикации, что говорит о том, что данная нравственная норма продолжала существовать, оказывать воздействие на современников и вступать в спор за человека с его будничными заботами о личном благосостоянии.

Осуждалось преследование значительных материальных выгод в некоторых занятиях. Так, автору некролога, посвященного В.П. Картамышеву, приходилось, видимо, отводя обвинения, заверять читателей, что основатель «Сибирского вестника» не добивался при издании газеты «коммерческих целей» [2. С. 46]. Не следует ли из вышесказанного, что благородство и значимость цели (в данном случае – воспитание общества посредством прессы) требовалось подтверждать бескорыстием? Оно, очевидно, разделяло в сознании современников служение «возвышенному» от «низменного», сопряженного с расчетами на прибыль. Именно «служение». Некрологи уславливали смысловое ценностное отличие этого понятия от «службы», формального исполнения обязанностей: «Учил и воспитывал он не по заказу, не по данным инструкциям и циркулярам, не формально, как это обык-

новенно принято, а вкладывал в свое дело душу живу, огонь святой» [2. С. 97]. «Твоя проникновенная молитва невольно трогала холодные и черствые наши сердца и вызывала слезы умиления. “Спаси от бед рабы твоя, Пречистая Владычице”, – неустанно в течение 19 лет раздавался в Иверской часовне твой молитвенный зов, и чувствовалось всем, что это говорит от сердца не наемник, а истинный служитель церкви Божией с глубокой верою в помощь Богоматери» [2. С. 150].

Такой деятель «мог бы спокойно сказать о себе, оглянувшись назад: “Все, что мог, я и здесь совершил, а на большее, брат, не охоты не стало, а силы” [2. С. 150], что «отдал людям все, что мог, что имел» [2. С. 94]. Но даже если речь не шла о возвышенном служении «великому делу», герой некролога свои обязанности выполнял «дейтельно», «ревностно», «усердно», «честно» и пр. «Мир праху твоему, честный труженик!» – такова была одна из устойчивых словесных формул прощания с усопшим в Томске в последней трети XIX в. Словосочетания «честный труженик» и близкие к нему – «честный деятель», «честный служака», «честный техник» и т.п. – довольно часто встречаются в рассматриваемых материалах (употребляются в отношении 20 персонажей).

Вообще можно сказать, что положительный герой некрологов – это «честный человек». Причем понятие «честный» фигурировало в разных своих значениях. Одни авторы подразумевали добросовестность при исполнении обязанностей («честный труженик»).

Другие отмечали прямоту, искренность, правдивость своих умерших знакомых, проявлявшиеся в частных межличностных отношениях: «Покойный отличался честностью, прямою характера» [2. С. 58]; «Он обладал прекрасными и душевными качествами: честный и искренний, добрый и общительный» [2. С. 22]; «Михаил Федорович был необычайно искренний и честный человек» [2. С. 92] и т.д.

Третьи связывали понятие честности со служением Правде и Справедливости. Именно в таком смысле определение «честный» употреблялось по отношению к судье, журналисту, высокопоставленному чиновнику. «Безукоризненно честный, правдивый, беспристрастный, совершенно неуловимый ни для каких личных побуждений чиновник, он был действительно выдающимся советником Томского губернского суда...» [2. С. 28]. «Хорошее, честное перо сломано, твердый, правдивый и беспристрастный голос навеки смолк...» [2. С. 64] и т.д.

Этот же смысл в контексте идейной борьбы, кипевшей в российском обществе, подчас получал почти политическую окраску. В подцензурные годы сибирской печати он, понятный посвященным, мог струиться между строк, в революционном 1905 г. излился на поверхность в одном из некрологов. В таком ключе прозвучали бесхитростные стихи, написанные пылкими гимназистами в честь своего учителя Н.Н. Баранского:

Ты словом Истины свободным и живым
Один в нас честные идеи пробуждал,
И, внемля с трепетом речам твоим святым,
В себе лелеяли мы честный идеал.
Добру и истине бесхитростно служить,
Вести борьбу со злом и в страхе не клонить
Пред истуканами бездушными голов... [2. С. 97].

Различные значения слова «честный» заражали своими «дополнительными» смыслами определенное контекстное значение этой лексической единицы, иногда представляя в своем интегрированном виде: «честный человек... в самом высоком значении этого слова» [2. С. 96], т.е. тот, кто следует правде, нравственному долгу, обладатель благородной души. В том же ключе употреблялись словосочетания «честный и благородный», «добрый, честный, благородный» [2. С. 96, 64, 152] и т.п.

Понятия «правда», «справедливость», «беспристрастность», «честность» для авторов ряда некрологов стояли в одном синонимическом ряду и обладали вполне конкретным социальным смыслом. Защитники правды, в трактовке авторов ряда некрологов, оказывались заступниками обиженных: «В нем всякий слабый, бедный человек с уверенностью находил непоколебимого защитника своих прав, несмотря ни на положение, ни на богатство обидчика, ...каждый мог смело внести на обсуждение свои попранные права, с уверенностью, что ничто постороннее не поколеблет весы в сторону неправды» [2. С. 28]. Рыцарям правды и справедливости приходилось принимать бой «с темными силами», стоящими на пути «прогресса», со «старым режимом», «не смущаясь возможными неприятностями»: «Так как честная, до шепетильности, натура покойного положительно не могла мириться со всем тем, что не соответствовало требованиям законности и правилам этики, и так как он со свойственной ему прямою и энергией всегда открыто старался изобличить то или иное нарушение, не выходя, однако, из пределов закономерной корректности, то, естественно, ему часто приходилось испытывать по службе много неприятностей и тревожений, которые он умел переносить стоически, не падая духом и не входя ни в какие компромиссы с раз усвоенными принципами» [2. С. 86]. Видимо, именно уверенность в правоте принципов справедливости подвигла одного из авторов некрологов возвестить правду «вечной» и «неумирающей» [2. С. 19].

Названные понятия сопрягались с некими «идеалами», не раз упоминающимися в материалах «Томского некрополя»: «В его личности счастливо сочетались сила теоретической мысли с широкими идеалами правды и справедливости» [2. С. 79] («идейный», «служение идее» и другие выражения встречаются в мемориальных заметках, посвященных, по крайней мере, 8 персонам, в основном умершим в начале XX в.). «Идеалы», о которых подчас туманно сообщалось в некрологах, публиковавшихся в оппозиционных томских газетах, очевидно, для их авторов были наполнены не только абстрактным этическим содержанием, но и вполне конкретным социальным. Так, в числе «идеалистов» назывались народники С.С. Синегуб, И.Н. Голубин. Социал-демократ И.В. Писарев провозглашался «борцом за высокую идею», за «светлый общественный идеал» [2. С. 103] (такая откровенность стала возможна в 1905 г.).

Но вера в идеал могла рассматриваться также в философском смысле («Душой и верой своей В.Г. был вдохновенный идеалист, поклонник и знаток Канта и Владимира Соловьева» [2. С. 105]), и как свойство религиозного сознания («...он не был ни фанатиком, ни ханжой и относился с уважением ко всем религиозным мнениям, понимая, что совесть насиловать нельзя и что всякий

достойн уважения, раз он искренно чтит какой-либо идеал, во что-либо по-своему верит» [2. С. 40]). В любом случае «идеализм» в материалах «Томского некрополя» предстает как положительное явление. Антитезой таким образом понимаемому идеализму (если абстрагироваться от различий представленных версий) для современников служила бездуховная погруженность в действительность [4. С. 796].

Немаловажен был вопрос об образовательном и интеллектуальном уровне героев некрологов. Сведения об образовании служили показателем социального статуса: из служебных формуляров почерпывались для некрологов сведения о том, какое учебное или воспитательное заведение закончил человек. Получение высшего образования в интерпретации авторов мемориальных заметок – это шанс пробиться в жизни, подняться на более высокую социальную ступеньку, а также возможность заниматься делом, к которому имелось призвание. Ради всего этого человек, жаждущий знаний, подвергал себя лишениям и нередко, не преодолев тягот, расплачивался жизнью за стремление к своей мечте. Недостижимость заветной цели могла стать причиной самоубийства [2. С. 31]. Высшее образование, отраженное в зеркале некролога, как и труд, представляло почти сакральным в окружении многих жертв, принесенных на его алтарь.

Несомненными преимуществами являлись опытность, ум, смекалка. Последние два признака отмечались, как правило, у людей, не обладавших «полноценным» образованием, что могло рассматриваться как некоторая его житейская компенсация. Даже если герой просто оказывался увлекательным рассказчиком о пережитом и виденном им самим, это, по мнению его знакомых, добавляло обаяния его личности.

Обладание обширными знаниями представлялось как положительное качество персонажа (только в статье Г.Н. Потанина, написанной в память Д.Д. Вольфсона, знаменитый ученый-самоучка отдавал приоритет «наивности сердца и силе убеждения» перед «блеском эрудиции» членов «ученых ареопагов» [2. С. 100–101]). Даже простой интерес человека к общественным событиям, выводящий его из погруженности в собственную жизнь, любовь к чтению, любознательность выделялись как достоинства, особенно если эти качества были свойственны персонажу не только в молодости (что, видимо, считалось более естественным), но и в пожилом возрасте. Так, протоиерею Вознесенской церкви И.П. Сухопарову ставилось в заслугу, что «живой пытливый ум его искал постоянной пищи. Он с неослабшим от болезни и преклонных лет интересом непрерывно следил за всей текущей литературой» [2. С. 35]. Старообрядец И.С. Воронцов являлся «одной из популярных личностей» в Томске, поскольку «был человек очень общительный, любитель театра, получал по несколько газет и вообще резко выделялся из своей среды» [2. С. 56]. Протоиерей С. Дмитриевский писал о народном учителе П.А. Буткеве: «Это был, прежде всего, человек неутомимой энергии и больших познаний. Уже в старости он все же, на удивление всем, знавшим его, постоянно был занят или книгами, или любимым делом – приготовлением естественно-научных препаратов. До последних дней он неутомимо следил за успехами науки и живо отзывался на

всякую новинку» [2. С. 151] и т.д. Как исключительное явление среди томичек, благодаря все тому же интересу к общественной жизни, в некрологе представлялась «из ряда выдающаяся, образованная, ...развитая, чуткая “на злобы дня” женщина» – учительница музыки В.М. Успенская [2. С. 60].

Отзывчивость к «общественным нуждам» – еще один немаловажный критерий, по которому оценивалась личность, и подчас именно данное качество описывалось как первейшая добродетель деятеля. Причем обладавший им положительный герой противопоставлялся своим современникам, не имевшим такового: «Семен Степанович отличался большою чуткостью в понимании общественных нужд и не боялся новшеств, что так исключительно редко в его сословии и в его годы» [2. С. 36]. Здесь автор некролога отметил связь между «чуткостью к общественным нуждам» и открытостью новизне, указывая, таким образом, сферу, в которой, по его мнению, изменения были бы особо желательны. Термины «прогресс», «прогрессивный», которые фигурируют в материалах «Томского некрополя», также относятся к социально-политической жизни [2. С. 64, 111, 163].

Но в значительно большей степени авторы некрологов предпочитали использовать понятия «будущее», как правило «светлое», и «новая жизнь» (данная лексика и проблематика были свойственны исключительно светским газетам). «Дмитрий Александрович Астафьев был кровный сибиряк... Не получив воспитания, он в то же время был человеком с большой сметкой и сочувствовал всему хорошему, что вводилось в его родине, и верил в будущность своего края» [2. С. 41]. «Усни же спокойно, неутомимый труженик, честный и благородный сын Сибири, усни после долгой работы на пользу родины, усни твердо убежденный, что над твоей родиной скоро засветит яркая звезда новой лучшей жизни» [2. С. 64]. «Хорошили борца за лучшее будущее рабочих масс, страдальца за идею, ушедшего от жизни в тот момент, когда для работы открывались новые широкие перспективы, когда жизнь народного бойца приобретала особый смысл и значение... он умер, не дождавшись наступающего праздника света» [2. С. 103] и т.д. Ощущение близости такой желанной для авторов ряда некрологов и их героев грядущей «новой жизни» усиливалось по мере нарастания революционного брожения в стране. Но отношение к подобным общественно-политическим событиям у героев некрологов светских оппозиционных и церковной газет было полярно противоположным. При всем сходстве нравственного облика представляемых этими органами печати положительных героев их отличали различные политические убеждения.

Положительный герой некролога не только мог быть обращен к будущему, но также являлся носителем положительных традиций прошлого. И в этом качестве он возвышался над современностью с ее упадком нравственности и, как сетовала церковная газета, веры. Так, некоторые публикаторы «Томских епархиальных ведомостей» подчеркнуто отмечали у героев некрологов наличие религиозности, противостоящей «*религиозному равнодушию и безразличию*» «нашего времени» [2. С. 156]. Бескорыстие героя некролога, его милосердие и «гуманности», выражавшейся в заступничестве за «обиженных

судьбой» (это мотив уже светских газет), противопоставлялся эгоизм современников: «Покойный фон Шульман, соединяя в себе лучшие качества чиновника и человека, отличался также безмерною добротою: чужая нужда всегда находила живой, искренний отклик в его мягком сердце, он поэтому постоянно был на стороне сирых, убогих, бедных и угнетенных, являясь их защитником и покровителем... В наше суровое время, когда регулятором общественной жизни служит в значительной мере эгоизм, такие качества покойного являются наиболее ценными и, к сожалению, наиболее редкими» [2. С. 86]. «Этот мощный человек – врач, безукоризненно прошедший лучшие годы в Сибири, да будет примером врачам нашего скудного силой и мощью времени» [2. С. 94].

Герои некрологов «пользовались любовью и уважением» знавших их людей. Но это естественное отношение к «хорошему человеку» окружающих, рассмотренное с точки зрения их социального статуса, могло надеяться разной степенью позитивного смысла. Некрологи расчленили окружение умерших на «начальство», «сослуживцев» (очевидно, равных или близких по служебному положению) и «подчиненных». Так происходило, например, в тех случаях, когда особо подчеркивалось, что положительному герою удалось заслужить любовь и уважение не только у начальствующих лиц, но у коллег и тех, для кого он сам являлся «начальником» или наставником. Симпатии, завоеванные у равных и особенно более низких по служебному и социальному статусу людей, должны были, очевидно, свидетельствовать о «подлинности», имманентности положительных качеств данного человека, поскольку они проявлялись бескорыстно, вне расчетов на возможную социальную выгоду, которая могла быть обеспечена благорасположением вышестоящих (в отсутствие покровительства вышестоящих современники иногда усматривали причину малых карьерных успехов [2. С. 13]). Отношение «высших» могло служить индикатором служебной, социальной успешности. Отношение «низших» – показателем глубины внутренней человечности положительного героя.

«Гуманный», «добрый», «любящий» и другими подобными определениями награждались в посмертных хвалебных очерках лица, имевшие подчиненных и властные полномочия. Так, один из авторов некрологов утверждал, что полицмейстеру М.А. Архангельскому удавалось, «исполняя требование закона, не отступать от правил человеколюбия» [2. С. 40]. «Смирение, кротость, незлобие, простота в обращении, полная общедоступность для всех были отличительными чертами» настоятеля монастыря отца Лазаря – «это был для братии как бы не начальник, а любящий, добрейший старший брат» [2. С. 55]. Советник губернского правления А.Р. Николаев «был чрезвычайно гуманным начальником, в высшей степени участливо относившимся к своим сослуживцам и подчиненным и их нуждам» [2. С. 64]. Начальник Томской конвойной команды П.К. Древинг «представлял собою одного из тех редких начальников, который, по прирожденной доброте, заставлял себя любить и во имя этой отеческой любви повиноваться» [2. С. 72] и т.д.

Авторы некоторых мемориальных статей отмечали у своих героев отсутствие пристрастно-негативного отношения к представителям иной национальности, вероис-

поведания (занимавших более низкие ступеньки социальной лестницы, как это читается в контексте некролога): «Ни личная приязнь, ни национальные симпатии, ни общественная молва – ничто не останавливало почившего, раз дело касалось вопиющих и справедливых нужд человека вообще, кто бы ни был», поскольку «для деятельности христианской любви все равны, для нее «несть эллин, ни иудей» [2. С. 84].

Доброта, милосердие, прямота – таковы основные качества положительного персонажа, проявлявшиеся в отношениях с другими людьми. «Скромный» – еще одна характеристика многих героев некрологов. Если речь шла о стиле поведения, связанного с самооценкой, наличие этого качества добавляло немаловажный оттенок в палитру характеристик «хорошего человека». Высокомерие, заносчивость, напротив, не были ему свойственны. «В частной жизни и в частных отношениях покойного выдающимися чертами характера представлялись добродушие, скромность и деликатность, обаятельно действовавшие на всякого, кому приходилось встречаться с ним в обществе» [2. С. 26]. «Необычайной простотой и скромностью ты заслужил себе при жизни всеобщую любовь и уважение от горожан, та же скромность и простосердечие выделяли тебя из ряда твоих сослуживцев в глазах архипастырей томских» [2. С. 159] и др.

Слово «скромный» употреблялось также в смысле «незаметный», «неизвестный». И в этом случае авторы томских некрологов отнюдь не единодушны в отношении к такой «скромности» своих героев. В центре расхождений, как представляется, стоял вопрос об оценке общественной значимости человеческой жизни, ее ценности на весах общественного мнения. «Скромный труд», «скромный труженик» настойчиво противопоставлялись удачной служебной карьере, определенного рода известности. С точки зрения сегодняшнего дня выглядят несколько странными навязчивые упоминания о «незаметности» того или иного человека, о «несчастности» умершего в «неизвестности», в забвении или сокрушении по поводу того, что хотя умерший «был верен “в малом”», но ему не суждено было быть поставленным над многими». Видимо, для немалой части современников слава или хотя бы публичное признание имели особое значение, непосредственно связанное с осознанием успешности прожитой жизни: «Лучшая награда труженику – сознание исполненного долга, сочувствие и справедливая оценка со стороны окружающих» [2. С. 42–43]. Безразличие социальной среды к деятельности и личности человека могло восприниматься как причина его моральной и физической гибели: «Да... вот и он казнен людским равнодушием, и затоптано в грязь его неокрепшее дарование» [2. С. 129].

Стремление к славе для некоторых являлось вполне осознаваемой целью, известность – продуктом саморекламы таких персон. Им противопоставлялись положительные герои некрологов, без шумихи делающие нужное дело. Так, чуждался «погони за рекламой и наживой» врач В.Ф. Васильев [2. С. 150]. Попечительница Томской общины сестер милосердия М.Н. Закоурцева называлась одной «из тех женщин, которые не любят тщеславия и не стараются о том, чтобы их добрая и полезная деятельность была достоянием стойкой крикливой молвы» [2. С. 93].

Честолюбие, как видно, не было, по крайней мере, для части современников положительным личностным качеством. Но сама известность отнюдь не считалась отрицательным явлением. Напротив, немало героев некрологов претендовали если не на громкую славу, то на популярность в определенных пределах – это активные городские общественные деятели, врачи и педагоги с большой многолетней практикой, писатели и т.п. Некоторые из томичей, в основном профессора университета, заслужили даже наименования «выдающихся».

Создается впечатление, что часть авторов оценивали героев своих мемориальных заметок с точки зрения попадания или не попадания их имен в «анналы истории». Те, кто прославился, – ее избранники, кому это не удалось – достойны сожаления. В этом случае настоящее как бы рассматривалось под углом зрения воображаемого будущего историка, выделяющего в ландшафте прошлого выпуклые фигуры знаменитостей. В зеркале некролога не только мнение современников, но и потомков выступало немаловажным мерилем ценности личности, значения прожитой ею жизни. Таким образом, представители «образованного» общества осознавали себя существующими в ткани истории, пытались участвовать в ее продолжении или созерцая, как это делают другие.

Тиражирование материалов, посвященных известным людям, пользовавшимся при жизни вниманием многих, было само собой разумеющимся и не нуждалось в разъяснении (хотя одно такое объяснение нашло все-таки место на страницах «Томского некрополя»: «Покойный протоиерей был один из самых видных духовных деятелей в Томской епархии. 37 лет в сане священника он был нравственным руководителем и воспитателем своих прихожан; 23 года в звании члена консистории давал тон и направление церковной жизни в епархии. На его глазах выросло целое поколение. Поэтому, думается, жизнь и деятельность почившего протоиерея не только полна интереса для епархии, но во многом будет и назидательна» [2. С. 104]).

Другое дело, когда печатался некролог «незаметного» человека. «Разве это какая знаменитость? – спрашивала нас одна дама по поводу намерения поместить в газете портрет Дм. Дм. Вольфсона. Она, конечно, была уверена, что подобной чести заслуживает только изобретатель, новатор в науке, путешественник, прославившийся артист и литератор. Словом, с нами повторилась... история с некрологом Гоголя, за который И.С. Тургенев посидел на гауптвахте. Тогда не провинциальная дама, а петербургские генералы обиделись на Тургенева, кто такой Гоголь? Разве он, спрашивали генералы, имеет чин действительного тайного советника или это генерал-адъютант?» – так завязывался заочный спор в статье Г.Н. Потанина, посвященной гибели одного из «скромных» тружеников [2. С. 100]. Публикация в память «маленького» человека, видимо, не была устойчивой привычкой культуры и потому подчас сопровождалась особыми пояснениями, если не сказать оправданиями, необходимости подобного действия (хотя сама тема «маленького» человека вошла в русскую литературу и умы соотечественников, по крайней мере, со времен Н.В. Гоголя).

В томских некрологах встречаются несколько типов такого рода объяснений. Во-первых, полемически про-

тивопоставлялась внешняя «скромность» заслуг данного человека перед обществом или небольшой взлет его карьеры красоте души, величию духа: «...кусочек свинца прерывает молодую жизнь, о которой не будет записано ни в летописях науки, ни в летописях искусства. Но есть в мире нечто высшее: это такая человеческая душа, которой близко все человеческое, это – честно и беззаветно любящее сердце, которое не может жить в противоречии с самим собою» [2. С. 25]. «Строй жизни приучил нас придавать более значения вещественному наследию, оставляемому людьми после своей смерти, чем духовному. А между тем услуги, оказываемые внутренней культуре, культуре сердца, если не выше, то отнюдь не ниже услуг внешней культуры» [2. С. 100]. «Ценность личности определяется не внешними событиями жизни, а переживаниями в области духа» [2. С. 153].

Другое объяснение публикаций в память «скромных» людей отражало мнение о почетности добросовестного труда, пусть и не отличавшегося масштабностью своего приложения: «Смерть почтенного труженика даже в маленькой области человеческой жизни заслуживает того, чтобы о нем сохранить память и отметить ее на столбцах печати» [2. С. 41]. Таким образом, утверждалась ценность «маленького» человека, «честно» делавшего свое дело. Благодаря хвалебным газетным публикациям «незаметный» труженик посмертно получал известность и признание заслуг и самим фактом публикации некролога возводился на одну ступеньку с «сильными мира сего».

Слава в подтексте подобных объяснений предстает в виде вожденной привилегии, но более демократичной, чем прежде, открывающей доступ для большего числа избранников. В примечательной статье, написанной в память деятеля народного образования Д.Д. Вольфсона, Г.Н. Потанин настаивал на том, что не только за услуги, оказанные государству, человек имеет право на почет, но и за деятельность на благо местного общества, небольшого окружения. Известность сибирская была не менее значима в его глазах, чем общероссийская, «официальная»; общественное служение – не менее важно, чем служба государству. В заметке, посвященной кончине фельдшера М.Н. Соболевой, обнаруживается другой поворот той же темы. Здесь противопоставляется «неизвестность» для «просвещенного общества» труженика, делающего свое «высоко-полезное», ответственное и важное дело, и благодарная память о нем в народной, «рабочей» среде [2. С. 143].

Все эти дискуссии знаменовали все более массовый выход на авансцену общественного внимания новых «героев» своего времени, замечательных пусть «скромным», но высоко нравственным исполнением своего долга. Акцент ставился в подобных случаях не на выдающихся качествах выдающейся личности, а на «честном» выполнении своего дела. При этом авторы некрологов иногда указывали на контраст между «скромностью» человека и важностью его труда. Изменялось также, по крайней мере, в глазах части общества, представление о публичности, чьим признанием следовало дорожить. Продолжая театральную аналогию, можно сказать, что рецензенты, оценивая игру актеров, обращали внимание уже не только на аплодисменты партера, но и на овации демократической галерки.

На пьедестал, таким образом, воздвигался повседневный, упорный, востребованный обществом труд – «живое дело живой жизни». Но следование за этой путеводной звездой от «героя» также требовало в глазах общества самоотвержения, поскольку повседневность с ее заботами и тяготами редко оборачивалась светлыми сторонами, особенно для «скромного труженика». Например, для «незаметной басовой партии» в архиерейском хоре В. Сапфирова: «И потянулась тоскливая обыденная действительность! Монотонно, по службе, ради куска хлеба чередовались вспышки надежды на лучшее будущее с обязанностью нередко по пятнадцати часов в сутки отбывать разнородные службы» [2. С. 106].

«Ржавчина вечных забот», «долина сумеречных буден», «серое», «тоскливое» – таким предстает будничное существование в ряде некрологов [2. С. 25, 129, 126, 106]. Оживление происходит тогда, когда человек поднимается над обыденностью, соприкасается с духовным, «идеальным», мечтою или участвует в общественном движении (как, например, в годы революции – так утверждалось в опубликованной в либеральной «Сибирской жизни» статье, посвященной памяти журналиста [2. С. 126]). В этом отношении и пространство в зеркале некоторых некрологов также отражалось, как обладавшее различными свойствами. Жизнь бурлила в столице. Там «кипучий», радостный труд, «настоящая жизнь», хотя и «лихорадочная». Оттуда, «жадно проникаясь идеями», частицу оживления пытались привнести в провинцию [2. С. 128, 170], которая в этом контексте становилась в большей степени связанной с рутинной повседневностью. «Суровость среды» могло смягчить, а жизнь сделать «сносною и даже приятною» общение с людьми, подобными положительным героям некрологов. «Такие люди проходят яркой звездой по темному небосклону обыденной жизни, оставляя неизгладимый след во всех, кто с ним сталкивался. Пусть же эта нравственная красота напоминает нам об идеале, достигнуть которого старается человек!» [2. С. 80].

Итак, собирательный образ положительного героя некрологов покоится на следующих основаниях: 1) доброте, милосердии, гуманности, бескорыстии; 2) трудолюбию и добросовестном отношении к своим обязанностям; 3) «честности», которая понимается не только как говорение правды и независимости суждений, но сопрягается в ряде некрологов со стремлением персонажа к социальной справедливости. Все эти добродетели пронизаны идеей добровольной жертвы, принесенной героем во имя следования своему нравственному долгу. Таким образом, само жертвоприношение персонажа, вызывавшее одновременно и горечь, и восхищение, в зеркале некролога отражается как востребованное обществом первейшее достоинство положительного героя.

Жизнь немалого числа героев некрологов – это цепь из тяжелого труда, физических, моральных страданий, состоящая, в основном, из вереницы «серых буден» (для таких персонажей смерть иногда приходит как избавительница: «отдохни», «спи спокойно» звучало во время прощания с усопшим). Смерть человека вызвала горькие сожаления у оставшихся не только из-за того, что отныне они лишены с ним общения, но и потому, что оказались нереализованными связанные с данным деятелем надежды, и он ушел в другой мир, не выполнив до конца своего служения, своей миссии на земле.

Цели беззаветного служения героев некрологов могли быть разными (поддержка семьи, укрепление престола и церкви, развитие Томска, Сибири, просвещения и т.д.). Из них служение во имя «малых сих», людей «слабых», «бедных», беззащитных, требовало в иерархичном социуме наибольшей самоотверженности, и люди, следовавшие этим путем, устаивались в некрологах, как кажется, особо прочувствованных теплых слов и высоких оценок своей деятельности и личности.

Чувствительность к вопросам признания поступков человека окружающими, к его «известности» или, в большей степени, «неизвестности» выдает, говоря современным языком, «комплекс неполноценности», несамодостаточность немалой части членов общества, заметную зависимость от оценок окружения и, следовательно, как можно думать, большое влияние общественного мнения, общественного ожидания на поступки отдельных людей. В этом находит свое объяснение и вера в то, «что в гласности и печатном слове лежит залог счастья и развития родины» [2. С. 73], и подчеркнутая значимость для общества тех, кто может в большей степени влиять на умы и души людей – литераторов, педагогов, отчасти священников. По словам профессора университета М.Г. Курлова, сказанным над могилой писателя Н.И. Наумова, «очень немногие из нас, уходя в могилу, могут утешиться мыслью, что подобно тебе успели навсегда передать свою душу, свои светлые заветы всему мыслящему человечеству» [2. С. 74] (ни много, ни мало!). А труд учителя, «созидающий новых творцов жизни», назван «великим делом» [2. С. 138].

Безрадостной действительности противостояло стремление человека к идеалу, к будущему, к «новой жизни», реализации которой сознательно служили некоторые герои некрологов. Не слишком нравственному поведению современников противопоставлялись положительные персонажи хвалебных посмертных газетных статей. К чему привела попытка осуществить социальный идеал, известно. Как влияли на поведение современников те нравственные императивы, которые воплощали в себе «идеальные» люди, отраженные в зеркале некрологов, – вопрос другого исследования.

ЛИТЕРАТУРА

1. Лотман Ю.М. Смерть как проблема сюжета // Ю.М. Лотман и тартуско-московская семиотическая школа. М., 1994.
2. Томский некрополь. Списки и некрологи погребенных на старых томских кладбищах. 1827–1939 / Отв. ред. Н.М. Дмитриенко. Томск, 2001.
3. Дмитриенко Н.М. Сибирский город Томск. Томск, 2000. С. 116.
4. Владимир Соловьев. Идеализм // Энциклопедический словарь. Издатели Ф.А. Брокгауз, И.А. Ефрон. СПб., 1894. Т. 12а.

Статья представлена кафедрой истории и документоведения исторического факультета Томского государственного университета, поступила в научную редакцию «История» 22 декабря 2003 г.